

ИМПЛИКАЦИИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Е. К. ЗВЕДРЕ

ПРОТИВОРАКЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Евгений Константинович Звед্রে, ст. науч. сотр.
Центра евроатлантической безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: yzvedre@gmail.com

Аннотация. В начале 2000-х гг. США, выйдя из советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны, приступили к разворачиванию глобальной ПРО, потенциально угрожая эффективности российских стратегических ядерных сил и подрывая стратегическую стабильность. США считают основными источниками угроз ракетно-ядерный потенциалы России, Китая, Ирана и Северной Кореи. Набор базовых элементов многоуровневой системы противоракетной обороны в целом однороден, ее архитектура адаптируется к локальным условиям регионов и конкретным задачам, но их общая черта – способность работать как подсистемы в рамках единой, глобальной по охвату, системы ПРО под контролем США. В Азиатско-Тихоокеанском регионе в создание региональной системы ПРО США активно вовлекают своих союзников по региону – Австралию, Южную Корею и Японию, параллельно наращивая свою военно-стратегическую экспансию в регионе в противовес растущему военному и экономическому присутствию КНР. Москва указывает на дестабилизирующий характер программы, рассматривает появление Европе и в АТР объектов американской ПРО как непосредственную угрозу своей безопасности. Политика США провоцирует форсированное развитие Китаем и КНДР ракетных средств доставки ядерного оружия, стимулирует Россию на создание новых систем оружия, гарантированно способных преодолевать любые существующие и перспективные системы противоракетной обороны.

Ключевые слова: национальная противоракетная оборона, Азиатско-Тихоокеанский регион, компоненты и средства ПРО, США, Россия, Китай, КНДР, ракетно-ядерный потенциал, стратегическая стабильность.

В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., освободившись от всех ограничений на разработку и размещение средств стратегической ПРО. Длительное время обе стороны справедливо рассматривали данный Договор в качестве одного из ключевых условий поддержания стратегической стабильности, обеспечения сокращения стратегических наступательных вооружений США и СССР/России. Ведь в его основу было заложено взаимное понимание, что ни одна из сторон не должна иметь возможности для защиты от ядерного нападения другой стороны и что это условие для каждого из его участников будет служить главным сдерживающим фактором против нанесения первого, обезоруживающего удара. С выходом из Договора Вашингтон мог беспрепятственно приступить к реализации давно вынашиваемой программы т. н.

национальной противоракетной обороны (НПРО), предназначенной для защиты территории США, их союзников и передовых военных баз от ракетных ударов ограниченной мощности и включающей комплекс средств обнаружения, сопровождения и перехвата баллистических ракет различных типов.

Напомним, что президент США Б. Клинтон в течение ряда лет отказывался от практических шагов по созданию НПРО, заявляя о стремлении сохранить Договор по ПРО и допуская внесение в него поправок. Только весной 1999 г. он согласился подписать (до этого Б. Клинтон его пять раз ветировал) Закон о национальной противоракетной обороне, провозглашавший, что в интересах США «развернуть, как только для этого возникнут технологические предпосылки, эффективную систему НПРО, способную обеспечить защиту территории США от ограниченного ракетного удара, случайного, несанкционированного или преднамеренного»¹. Так и не придя к окончательному выводу о необходимости приступить к развертыванию средств НПРО до конца своего пребывания в Белом доме, Б. Клинтон в итоге заявил, что оставляет своему преемнику право принять такое решение. Сменивший его Дж. Буш-мл. — активный сторонник создания полномасштабной системы ПРО — не преминул сразу же воспользоваться этим правом и приступил к работе над противоракетным щитом [1, с. 5].

Глобальный охват создаваемых США систем ПРО реализуется через активное вовлечение в эту деятельность союзных государств, что позволяет Вашингтону наращивать свое военно-стратегическое присутствие в различных регионах земного шара и перекладывать на участников программы существенную часть финансового бремени. Так, отрабатываемая в Европе модель противоракетной схемы базируется на взаимодействии с союзниками по

НАТО. США приступили к последовательному распространению европейской модели ПРО на Азиатско-Тихоокеанский и Ближневосточный регионы, разумеется, с учетом специфики каждого из них.

По мнению ведущих российских экспертов, созданные и развернутые США на сегодняшний день средства ПРО способны осуществлять перехват одиночных боеголовок, максимум — нескольких ракет, включая класс межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Пока нет оснований говорить о создании в обозримом будущем надежной системы ПРО, способной остановить массированный ракетный удар с использованием МБР, в которые заложены возможности преодоления противоракетной обороны [1, с. 39–47]. Однако поступательное совершенствование потенциала противоракетной обороны вызывает растущую озабоченность государств, обладающих современным ракетно-ядерным оружием, прежде всего России и Китая, является мощным стимулом к его дальнейшему совершенствованию.

Российская оценка дестабилизирующего воздействия американской программы НПРО на международную безопасность и глобальную стабильность хорошо известна и нашла свое отражение в доктринальных документах, посвященных вопросам национальной безопасности: Военной доктрине от 25 декабря 2014 г.², Стратегии национальной безопасности от 31 декабря 2015 г.³ и в Концепции внешней политики от 30 ноября 2016 г.⁴ Деятельность Вашингтона на данном направлении российское политическое руководство закономерно относит к числу основных военных угроз, с которыми сталкивается Россия на современном этапе.

Продолжающееся качественное наращивание возможностей средств ПРО и их приближение к российским границам (и, как следствие, к местам дислокации стратегических ракет) вызывают растущую озабоченность политического и военного руководства РФ, постоянно указывающего, что создание системы ПРО, прежде всего ее европейского сегмента, быстро трансформируется в реальную угрозу для российских стратегических ядерных сил⁵.

Базовым полигоном для отработки механизмов формирования «региональной» системы ПРО стала Европа, где эти планы, естественно, реализуются с момента выхода США из Догово-

¹ National Missile Defense Act, March, 1999. — URL: http://www.nuclearfiles.org/menu/library/treaties/missile-defense/trty_missile-defense_NMD-act_1999-03-00.htm

² Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. — 2014. 30 декабря. — URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>

⁴ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>

⁵ См.: Лавров увидел в действиях США в АТР угрозу для России // РИА «Новости». — 2019. 10 мая. — URL: <https://ria.ru/20190510/1553401081.html>

ра по ПРО с опорой на партнеров по блоку НАТО и с использованием натовской инфраструктуры и ресурсов.

За Европой наступила очередь Азиатско-Тихоокеанского и Ближневосточного регионов, где США, используя европейские лекала, продолжают наращивать усилия по созданию и совершенствованию региональных противоракетных систем и их полной интеграции в американскую систему глобальной ПРО. Здесь так же, следуя общей стратегии на создание глобальной ПРО, Вашингтон не собирается выпускать из своих рук монополию на использование и интеграцию систем региональной ПРО, несмотря на довольно тесное сотрудничество с рядом государств в вопросах создания технологий ПРО, предоставление союзниками своих территорий для размещения компонентов ПРО, разделение бремени необходимых расходов и даже участие в оперативном управлении противоракетными средствами.

Рамки исследования автор ограничивает рассмотрением действий США и их ближайших союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе по созданию компонентов региональной ПРО, особенностей взаимоотношений в данной области с каждым из государств, а также боевых возможностей развертываемых в регионе средств противоракетной обороны.

Для целей работы представляется также целесообразным отметить, что администрация Д. Трампа вместо понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион», вошедшего в обиход в 1970–1980-х гг. и институционально закреплённого в Форуме АТЭС, в своих геостратегических расчетах отдаёт предпочтение словосочетанию «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР), граница которого проводится Вашингтоном по западному побережью Индии. Сама идея Индо-Тихоокеанского региона не нова, в мировом политологическом дискурсе возникла довольно давно, а в последнее десятилетие все чаще фигурирует в документах и выступлениях региональных политиков [5; 2, с. 12–13].

По мере развития макроэкономических процессов и расширения присутствия КНР к западу от Малаккского пролива, усиления военно-морского и экономического соперничества Китая и Индии и в условиях сохраняющегося в регионе конфликтного потенциала идея ИТР прочно закрепилась в обиходе вашингтонских стратегов. Так, выступая на саммите АТЭС во Вьетнаме в 2017 г., нынешний хозяин Белого дома формально озвучил концепцию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (free and open Indo-Pacific) в качестве генеральной стратегии США для продвижения своих геостратегических амбиций в бассейнах Тихого и Индийского океанов⁶.

Двигаясь по пути реализации обновлённой региональной политики, в 2018 г. США даже переименовали Тихоокеанское командование в Индо-Тихоокеанское – шаг в целом скорее символический, сделанный ради приведения в соответствие терминологии пентагоновских документов с политическими⁷.

Стоит также упомянуть вышедший 1 июня 2019 г. доклад Пентагона «Индо-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети». В Докладе ИТР рассматривается как приоритетный театр обороны США в рамках общеглобальной военно-политической стратегии, объявляющей Соединенные Штаты Америки тихоокеанской нацией, «связанной с соседями по Индо-Тихоокеанскому региону через неразрывные узы общей истории, культуры, торговли и ценностей» [X]⁸.

В этой связи для сохранения логики изложения нам также придется использовать новую интерпретацию названия региона, охватывающего акватории двух океанов, Тихого и Индийского, хотя в основном речь прежде всего будет идти о деятельности США и их союзников по созданию системы региональной ПРО на тихоокеанском театре.

Москва достаточно негативно воспринимает попытки «реконфигурировать геополитический ландшафт», выделяя Индо-Тихоокеанское пространство и квалифицируя их как действия, подрывающие, по словам С. В. Лаврова, «асеаноцентричность всех тех форматов, которые в данном регионе сложились», и имеющие антироссийскую и антикитайскую направленность. Так, выступая на Российско-вьетнамской конференции Валдайского клуба в феврале 2019 г.,

⁶ Trump delivers 'America first' speech at Asia-Pacific economic summit // CNN, November 10, 2017. — URL: <https://edition.cnn.com/2017/11/10/politics/donald-trump-apec-vietnam-trade/index.html>

⁷ Pentagon Rebrands PACOM as 'Indo-Pacific Command' // Defense One, May 30, 2018. — URL: https://www.defenseone.com/threats/2018/05/pentagon-rebrands-pacom-indo-pacific-command/148612/?oref=defenseone_today_nl

⁸ Indo-Pacific Strategy Report. Preparadness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. The Department of Defense, June 1, 2019. P. 2–3. — URL: <https://www.documentcloud.org/documents/6111634-DOD-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-JUNE-2019.html?embed=true&responsive=false&sidebar=false>

С. В. Лавров акцентировал, что за выдвижением подобного рода «искусственно насаждаемых концепций» стоит неприкрытое стремление упрочить военное доминирование США в регионе, «завлечь Индию в военно-политические и военно-морские процессы»⁹.

В середине января 2019 г. Министерство обороны США представило долгожданный, не обновлявшийся более девяти лет «Обзор политики в области противоракетной обороны» (2019 Missile Defense Review)¹⁰ — довольно масштабный документ, в котором подробно излагаются подходы администрации Д. Трампа к реализации программы НПРО на ближайшие десятилетия. До выхода последней версии Обзора вопросы ПРО затрагивались в общем плане в обнародованных в 2017 и 2018 гг. Стратегии национальной безопасности¹¹ и Стратегии в области национальной обороны¹², а их трактование в целом оставалось в русле выводов предыдущего Обзора, вышедшего в начале 2010 г., где акцент делался на региональной ПРО и защите территории собственно США от потенциальных ракетных угроз со стороны Северной Кореи и Ирана¹³.

В новой стратегии подтверждается преемственность курса Вашингтона на дальнейшее развитие противоракетной обороны США как неотъемлемой части системы ядерного сдерживания. Вместе с тем документ содержит ряд существенных изменений по сравнению с выкладками аналога, вышедшего в 2010 г., как в плане оценки угроз, так и с точки зрения построения архитектуры противоракетной обороны США. Главное — помимо «традиционных» угроз, исходящих от ракетных программ КНДР и Ирана, в качестве потенциальных противников рассматриваются Россия и Китай, которые отнесены к категории стран-«ревизионистов», являющихся «вызовом могуществу, влиянию и интересам Америки» и пытающихся «подорвать ее безопасность и остановить процветание»¹⁴.

Девятью годами ранее ситуация выглядела совершенно иначе, в тексте Обзора по ПРО 2010 г. прямо было сказано, что администрация Б. Обамы «ищет возможности вовлечь Россию и Китай в работу по противоракетной обороне». Отдавая дань необходимости дальнейшего развития стратегического взаимодействия с Россией (ведь в соответствии с курсом на «перезагрузку» шла работа над новым договором о сокращении стратегических ракетных арсеналов), Белый дом ставил вопрос о необходимости налаживания сотрудничества в сфере ПРО с Россией. Причем речь даже шла о совместных мероприятиях по раннему предупреждению о ракетных пусках, «возможном техническом и оперативном сотрудничестве»¹⁵. Китаю же предлагалось вступить в диалог «по стратегическим вопросам, интересующим обе страны, включая противоракетную оборону».

Согласно последней версии противоракетной стратегии, КНДР по-прежнему представляет чрезвычайную угрозу Вашингтону и его союзникам. За прошедшее десятилетие Пхеньян инвестировал значительные ресурсы в создание ядерных боеголовок и баллистических ракет, которые можно использовать для нанесения ударов по территории США, включая Гуам, американским силам за рубежом и по союзникам в Тихом океане. Проводятся десятки испытаний баллистических ракет, активно разрабатываются системы мобильного базирования, включая подводные лодки¹⁶.

Иран обладает самым крупным арсеналом баллистических ракет на Ближнем Востоке, ведет разработку МБР, а также все более совершенных и точных ракетных систем малой и средней

⁹ Выступление министра иностранных дел России Сергея Лаврова на Российско-вьетнамской конференции Клуба «Валдай», 25.02.2019. — URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vystuplenie-ministra-inostrannykh-del-rossii/>

¹⁰ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. — URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 8. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹² Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge. The Department of Defense, 2018. P. 6. — URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

¹³ Ballistic Missile Defense Review Report, February 2010. US Department of Defense. — URL: https://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf

¹⁴ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. P. II-III. — URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

¹⁵ Потенциальные возможности сотрудничества России и США в области ПРО, в первую очередь в рамках программы ЕвроПРО, подробно рассмотрены в докладе, подготовленном в 2011 г. ИМЭМО РАН в рамках реализации проекта «Евроатлантическая инициатива в области безопасности» [4].

¹⁶ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. P. II-III. — URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

дальности, способных угрожать силам союзников и партнерам США в регионе. В пределах досягаемости ракет среднего радиуса действия Ирана находятся цели в Восточной Европе и в Южной Азии. Иран также провел летные испытания баллистической противокорабельной ракеты, которая может угрожать американским и союзным военным кораблям в Персидском заливе и Ормузском проливе, и продемонстрировал крылатую ракету наземного нападения (LACM), заявленная дальность полета которой составляет 2 тыс. км¹⁷.

Обзор по ПРО 2019 г. предлагает ряд качественных изменений в архитектуре национальной противоракетной обороны США. Прежде всего, планируется дальнейшее расширение наземного сегмента перехвата МБР на среднем участке траектории — Ground-Based Midcourse Defense (GBMD), предназначенного для защиты материковой части США от ракетного нападения, а также региональной системы ПРО морского базирования «Иджис» (Aegis), размещаемой на кораблях ВМС. К 2023 г. число противоракет шахтного базирования Ground-Based Interceptor (GBI), развернутых на Аляске и на базе ВВС Ванденберг в Калифорнии, возрастет с 44 до 64¹⁸, а количество эсминцев, оснащенных Aegis, увеличится с 38 до 60, и на их вооружение поступят новейшие противоракеты SM-3 Block IIА, способные осуществлять перехват межконтинентальных баллистических ракет¹⁹.

Говоря о новых технологиях перехвата баллистических ракет, пентагоновские стратеги делают особый упор на растущей роли космического пространства. Речь идет о системе предупреждения о ракетном нападении, основанной на орбитальных сенсорах и позволяющей отслеживать пуски практически по всему Земному шару. Военные изучают: насколько строительство орбитальных перехватчиков будет выгоднее размещения систем перехвата ракет на земле, в море или в воздухе. Исследование, как говорится в документе, может включать в себя также эксперименты и испытания на орбите. Среди новейших технологий, развитие которых должно лечь в основу перспективных средств перехвата, — боевые лазеры, истребители-перехватчики баллистических ракет и многое другое. Так, в космосе предлагается создать не только сеть сенсоров, но также и разместить возможные средства поражения ракет на начальных этапах полета. В качестве средства перехвата ракет на ранней стадии, речь идет о возможностях боевого лазера, размещенного на стратегическом беспилотном летательном аппарате.

Другая технология предусматривает разработку систем для отслеживания и перехвата баллистических ракет истребителем пятого поколения F-35. В настоящее время этот самолет уже способен отслеживать ракетные пуски и перехватывать крылатые ракеты, но в перспективе, возможно, он сможет сбивать баллистические ракеты сразу после старта.

Интересно отметить, что ряд упомянутых в Обзоре технологий перехвата баллистических целей, пытались разрабатывать еще в 1980-х гг. в рамках футуристической программы «Стратегической оборонной инициативы», но были свернуты и отложены «на потом». Однако сегодня, благодаря научно-техническому прогрессу, некоторые из этих идей стали более доступными в технологическом и финансовом отношении, и то, что казалось фантастическим во времена президента Р. Рейгана, вполне может быть реализовано.

Впечатляюще выглядит раздел Обзора 2019 г., посвященный международному сотрудничеству США в программе создания глобальной ПРО. В качестве главных направлений такого взаимодействия обозначены:

- Создание европейской системы ПРО с опорой на партнеров по НАТО, где в рамках реализации т. н. поэтапного адаптивного подхода упор делается на «углублении оперативной совместимости» и взаимодействия национальных средств ПРО и предупреждения о ракетном нападении. Подчеркивается критическая роль противоракетной обороны в деле защиты Европы от угрозы нападения и агрессии.
- Нарастивание усилий в рамках Совета сотрудничества государств Персидского залива, членов которого США активно толкают на приобретение и развертывание средств противоракетной обороны, постепенно создавая основу для многоуровневой ПРО региона.

¹⁷ Ibid. Подробнее об американских оценках ракетных программ КНДР и Ирана, а также о сотрудничестве США со странами региона в сфере ПРО см. также в [3].

¹⁸ Navy Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) Program: Background and Issues for Congress (Updated June 19, 2019), p. 3. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL33745.pdf>

¹⁹ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. P.XV-XVII. — URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

- Углубление партнерства с Израилем на основе подписанного в 2016 г. Меморандума о взаимопонимании, касающегося сотрудничества в сфере безопасности и предусматривающего, в частности, помощь со стороны Вашингтона только на нужды противоракетной обороны в размере 500 млн долл. ежегодно.
- Нарастание противоракетного потенциала в Азиатско-Тихоокеанском регионе, структурно напоминающего архитектуру ЕвроПРО, с опорой на двусторонние альянсы с Австралией, Южной Кореей и Японией, а также на растущее взаимодействие в области безопасности с другими странами, в частности с Индией. Тематика ПРО утверждается в качестве важнейшего направления военно-технического сотрудничества, дающего мощный дополнительный импульс наращиванию стратегического присутствия США в регионе. Еще в 2007 г. для координации действий в деле создания и развертывания противоракетных систем союзниками США в АТР был учрежден «Трехсторонний форум по ПРО» с участием Австралии и Японии. У Пентагона активно развивается сотрудничество в области ПРО с Южной Кореей, нацелившейся на создание собственной «независимой национальной ПРО», существуют договоренности с Тайванем о поставке наземных компонентов тактической ПРО. Австралия запланировала построить три противоракетных эсминца, в Японии под систему ПРО морского базирования Aegis будут переоборудованы шесть кораблей²⁰.

В Вашингтоне рассчитывают, что отчасти совпадающие стратегические интересы США и Индии в ИТР могут послужить толчком для развития сотрудничества в сфере ПРО, превращению Индии в важный элемент американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе. Здесь нельзя не вспомнить, что в 1980-е гг. эта страна довольно критически отнеслась к рейгановской программе «звездных войн». Однако накапливание в регионе конфликтного потенциала, чреватого применением баллистических и крылатых ракет различной дальности, усиление военно-морского присутствия КНР в Индийском океане толкают индийское руководство к пересмотру подходов в области ПРО. Индия приступила к активной разработке собственных средств обороны, а также стала приобретать соответствующие системы на внешнем рынке.

Примеряя на Индию роль партнера, естественно младшего, в противостоянии растущему экономическому и военному влиянию Китая в регионе, США в 2016 г. пошли на беспрецедентный шаг, присвоив ей статус «ведущего партнера в области обороны» — *major defense partner* [6] — звание, которого не удавалось до сих пор ни одна страна в мире. В практическом плане это привело к тому, что США вышли на второе место на индийском рынке вооружений, уступая только России.

Суммируя, можно отметить, что новый Обзор политики в области ПРО, равно как и другие концептуальные документы в области национальной безопасности, вышедшие при президентах Б. Обаме и Д. Трампе, не добавил существенных корректив в стратегическую линию США на создание многоуровневой глобальной ПРО, которой Вашингтон последовательно придерживается после выхода из Договора по ПРО в 2002 г. Сохраняется ее общий вектор в сторону усиления геостратегического доминирования США во всемирном масштабе, курс на вовлечение в деятельность по созданию региональных подсистем единой системы эшелонированной ПРО новых партнеров из числа государств-единомышленников, включая совместную разработку и совместное производство средств перехвата. С точки зрения руководства США, международные партнерства по-прежнему остаются ключевым условием для реализации архитектуры системы ПРО, охватывающей весь Земной шар.

БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Начальным звеном систем, предназначенных для борьбы с баллистическими целями, служат средства предупреждения о ракетном нападении, задача которых обнаружить пуск ракет и сопровождать их в полете после старта. Применительно к АТР решение этой задачи в основном возложено на группировку спутников раннего обнаружения SBIRS (*Space-Based Infrared System*), размещенных на геосинхронной и высокоэллиптической околоземной орбитах и оснащенных инфракрасными датчиками. Кроме контроля за пусками и определения траектории

²⁰ Казанин М. Система противоракетной обороны Японии — китайская оценка // ИнВоен Info. — 2019. 14 января. — URL: <https://invoen.ru/vvs/sistema-protivoraketnoj-oborony-yaponii/>

полёта, SBIRS предназначена для идентификации боевых частей и ложных целей, выдачи целеуказания для перехвата, а также ведения разведки над территорией военных действий в инфракрасном диапазоне. К 2023 г. число космических аппаратов будет доведено до шести, развернуто соответствующее наземное аппаратное и программное обеспечение²¹.

В планах Пентагона заложено финансирование на проектирование космической системы раннего предупреждения следующего поколения, которая будет обладать повышенной живучестью и будет включать датчики, обеспечивающие возможности предупреждения, равные или превышающие сегодняшнюю SBIRS.

Помимо космического эшелона раннего предупреждения, США используют в АТР радиолокационные средства, входящие в состав национальной системы ПРО, в частности радары дальнего обнаружения и раннего предупреждения PAVE PAWS²², размещенные на авиабазах в Массачусетсе, Калифорнии и на Аляске, а также морскую мобильную радарную систему SBX-1 (Sea-Based X-band Radar), предназначенную для обнаружения и слежения за космическими объектами, в том числе высокоскоростными и малогабаритными, и выдачи данных целеуказаний огневым средствам ПРО. Размещенная на нефтяной платформе РЛС SBX-1 способна самостоятельно передвигаться со скоростью до 13 км/час и может быть передислоцирована в любую точку океанской поверхности. Наряду с обнаружением ракет радар используется для оценки результатов испытаний перехватчиков ПРО. Это самый мощный радар морского базирования в мире²³.

В интересах системы ПРО также работает радар AN/TPY-2 наземного базирования в Японии.

Ядром системы национальной ПРО США, предназначенным для защиты материковой части США, является наземный комплекс перехвата МБР на среднем участке траектории, известный как Ground-Based Midcourse Defense (GBMD)²⁴. На данный момент комплекс GBMD — единственный компонент НПРО, способный перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Помимо РЛС раннего предупреждения и сопровождения, он включает противоракеты шахтного базирования Ground-Based Interceptor (GBI), осуществляющие перехват и поражение целей тараном на встречном курсе. Комплекс развернут на Аляске и на базе ВВС Вандерберг в Калифорнии, так как считалось, что КНДР уже обладает баллистическими ракетами средней дальности, способными (технически) поразить цели на Аляске и Алеутских островах.

С появлением данных о том, что КНДР располагает технологиями для создания МБР, было принято решение об увеличении числа противоракет, развернутых на Аляске и в Калифорнии, и о создании третьего района базирования противоракет GBI на Атлантическом побережье, способного прикрыть основные населенные центры. В настоящее время на базе «Ванденберг» в Калифорнии размещены четыре перехватчика, 40 — на базе «Форт Грили» на Аляске. К 2023 г. число противоракет GBI в США планируется увеличить до 64 единиц²⁵.

Отметим, что в Обзоре политики в области ПРО 2019 г. рассматривается возможность расширения уже существующей системы противоракетной обороны США. Один из предлагаемых вариантов — увеличение числа противоракет GBI до 104 единиц. При этом сама противоракета GBI также в настоящее время проходит процесс модернизации, в ходе которой будут улучшены двигательная установка и боеголовка.

Далее речь пойдет о системах ПРО мобильного базирования, используемых вооруженными силами США при формировании т. н. многоуровневой защиты от баллистических ракет в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ещё в 1990-х гг. ВМС США предложили использовать для целей ПРО возможности корабельной боевой информационно-управляющей системы (БИУС) «Иджис» (Aegis), разработанной для защиты кораблей от самолетов и противокорабельных крылатых ракет. К ее развертыванию на крейсерах класса «Тикондерога» (CG-47) и эсминцах клас-

²¹ Space Based Infrared Surveillance (SBIRS). — URL: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/sbirs.html#SBIRS-missions>

²² The Air Force upgrades its missile early warning systems // Defense Systems, April 24, 2017. — URL: <https://defensesystems.com/articles/2017/04/24/earlywarningradar.aspx>

²³ Floatin' Smokey: The USA's SBX Radar // Defense Industry Daily, August 17, 2018. — URL: <https://www.defenseindustrydaily.com/floatin-smokey-the-usas-sbx-radar-04804/>

²⁴ Ground-Based Midcourse Defense. — URL: <https://www.boeing.com/defense/missile-defense/ground-based-midcourse/index.page>; Space Based Infrared Surveillance (SBIRS). — URL: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/sbirs.html#SBIRS-missions>

²⁵ 2019. Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. P. 43. — URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>

са «Арлей Берк» (DDG-51) приступили в 1983 г. На сегодняшний день корабли, оснащенные БИУС «Иджис», используются военно-морскими силами США, Испании, Норвегии, Южной Кореи, Австралии и Японии. Корабли с системой ПРО «Иджис» ВМС США предназначены для использования в качестве корабельного компонента ЕвроПРО.

Состоящая из информационных средств, средств управления огнем (РЛС AN/SPY-1) и средств поражения (противоракеты Standard Missile SM-2 и SM-3) БИУС «Иджис» позволяет принимать и обрабатывать информацию с датчиков других кораблей и летательных аппаратов и выдавать целеуказания на пусковые установки. Максимальная дальность SM-3 Block IB составляет 700 км, высота зоны поражения — 500 км, скорость — 3 км/с. На стадии испытаний находится SM-3 Block IIA, обладающая более внушительными характеристиками (2,5 тыс. км и 4,5 км/с, соответственно), что позволяет системе «Иджис» вполне решать задачу перехвата баллистических ракет малого и среднего радиуса действия. Всего с января 2002 г. проведено 50 испытаний различных типов корабельных противоракет SM (41 пуск был успешным), из них — 43 испытания с экзо-атмосферным перехватом с использованием противоракеты SM-3 (34 успешных перехвата)²⁶.

Противоракета SM-3 кардинально расширила возможности системы «Иджис», поскольку обладает способностью перехвата баллистических целей на любом участке траектории: во время разгона, на баллистическом участке и на входе в атмосферу. При этом самой ценной ее функцией является перехват в космосе на среднем участке баллистической траектории — т. н. экзо-атмосферный перехват. К тому же противоракета SM-3 запускается из обычной унифицированной корабельной установки вертикального пуска для управляемых ракет Mk-41²⁷.

Корабли с БИУС «Иджис» также могут использоваться для обнаружения и сопровождения межконтинентальных баллистических ракет (МБР), отправляя данные наземным перехватчикам (GBI) континентальной ПРО.

В 2019 финансовом году Пентагон планирует довести количество оснащенных системой «Иджис» кораблей до 41 единицы и до 60 — к концу 2023 финансового года (включая два корабля «Иджис» японских ВМС), причем общее количество противоракет класса SM-3 различных модификаций на этих кораблях составит 560 единиц (336 единиц по состоянию на конец 2018 г.)²⁸.

До 2013 г. большинство кораблей с БИУС «Иджис» были приписаны к базам в Тихом океане. Однако неравномерность противоракетных потенциалов «атлантической» и «тихоокеанской» морских корабельных группировок США постепенно выравнивается, что должно способствовать усилению американской наземной противоракетной группировки в Европе. На сегодняшний день в акватории Тихого океана развернуты 17 кораблей ВМС США, оснащенных системой «Иджис».

В настоящее время проводятся испытания новой противоракеты для системы «Иджис» — SM-6, которую можно использовать как для противовоздушной обороны, то есть для противодействия самолетам и противокорабельным крылатым ракетам, так и для защиты от баллистических ракет. Она способна эффективно перехватывать тактические ракеты и боеголовки баллистических ракет малого и среднего радиуса действия на входе их в атмосферу. Максимальная дальность SM-6 — более 370 км, высота зоны поражения — более 33 км. Активная радиолокационная головка самонаведения позволяет противоракетам SM-6 эффективно поражать цели без целеуказания с борта корабля-носителя. Предполагается, что подобными ракетами будут оснащены боевые корабли ВМФ США, Японии, Республики Корея и Австралии²⁹.

«Сухопутная» версия БИУС «Иджис» Aegis Ashore использует стандартную корабельную пусковую установку Mk-41 и оснащается 24 противоракетами SM-3 Block IB. В 2016 г. один такой комплекс был размещен на юге Румынии. В 2018 г. планировалось завершение строительства еще одного комплекса в Польше. Правительство Японии ободрило размещение двух комплексов Aegis Ashore, которые закупаются в США и будут развернуты до конца 2023 г. на противо-

²⁶ Navy Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) Program: Background and Issues for Congress (Updated June 19, 2019), p.2–4. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL33745.pdf>

²⁷ Корабельная установка вертикального пуска для управляемых ракет Mk 41 (Mark 41) разработана компанией Martin Marietta (ныне Lockheed Martin). К ее важнейшему преимуществу относится возможность широкого варьирования номенклатуры боезапаса, высокий темп стрельбы, возможность перезагрузки боезапаса в море. Применяется на кораблях ВМС США и других стран для запуска Standard Missile SM-2, SM-3 и SM-6, ASROC, RIM-7 Sea Sparrow, ESSM и Tomahawk.

²⁸ Navy Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) Program: Background and Issues for Congress (Updated June 19, 2019), p. 12. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL33745.pdf>

²⁹ Ibid. P. 4–5.

положных концах острова Хонсю: в префектуре Акита на севере и в префектуре Ямагути на юго-западе.

В 1990-е гг. был разработан, испытан и поступил в войска мобильный комплекс ПРО ТНААД (Terminal High-Altitude Area Defense), предназначенный для перехвата баллистических ракет малой и средней дальности внутри атмосферы или за ее пределами на конечном этапе полета, в задачи которого входит передовое прикрытие стратегических военных баз, аэродромов и подобных объектов тыла. В противоракете системы ТНААД нет выделенной боевой части, для поражения цели используется кинетический перехватчик, позволяющий сбить боевой блок БР на дальности до 200 км при высотах до 150 км. Возможности комплекса не позволяют ему поражать цели в космическом пространстве, хотя ряд элементов системы ТНААД аналогичен используемым в морском комплексе ПРО «Иджис»³⁰.

В 2008 г. первая боеготовая батарея из 24 ракет ТНААД была развернута на Гавайских островах для защиты архипелага от возможного удара северокорейских БР среднего радиуса действия. В 2013 г. был анонсирован план развертывания ТНААД на Гуаме. Всего на октябрь 2018 г. было заявлено о выпуске 300 перехватчиков ТНААД.

В качестве средства тактической противоракетной обороны от баллистических ракет малого радиуса действия используется последняя модификация армейского зенитно-ракетного комплекса «Патриот» под обозначением РАС-3 (Patriot Advanced Capabilities)³¹. В настоящее время все комплексы РАС-3 комплектуются как зенитными ракетами МІМ-104 (для поражения аэродинамических целей), так и малогабаритной противоракетой ERINT с кинетическим поражением цели, предназначенной специально для уничтожения баллистических ракет малого радиуса действия. Это позволяет оснастить элементами ПРО боевые части сухопутных войск и прифронтовые объекты.

СОТРУДНИЧЕСТВО США С ГОСУДАРСТВАМИ РЕГИОНА В СФЕРЕ ПРО

Япония. К сотрудничеству в области противоракетной обороны США и Япония приступили еще в 1990-х гг., его активизации способствовало проведенное в 1998 г. испытание северокорейской МБР «Тэпходон-1», в ходе которого ракета пролетела над территорией Японии и упала в водах Тихого океана. В 1999 г. было подписано американско-японское соглашение о совместной разработке четырех компонентов противоракеты, которая позднее получила название Standard Missile (SM).

После выхода Северной Кореи в 2003 г. из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и в связи с началом производства в северокорейском атомном центре в Ионбейне оружейного плутония японское правительство приняло решение развернуть эшелонированную систему ПРО американского образца. В конце 2004 г. Япония и США подписали соглашение о сотрудничестве в области создания ПРО, на основе которого, начиная с 2006 г., приступили к размещению 16 батарей ЗРК РАС-3 вокруг Токио и на военной базе на о. Окинава — на шести японских эсминцах была установлена БИУС «Иджис» с противоракетами SM-3 Block ІА. Помимо собственных кораблей с БИУС «Иджис», на японской военно-морской базе Йокосука размещаются семь американских кораблей с БИУС «Иджис» (шесть эсминцев класса «Арли Берк» и один крейсер класса «Тикондерога»)³².

В рамках реализации совместной программы была создана более совершенная версия противоракеты SM-3 Block ІІА для борьбы с баллистическими ракетами с дальностью полета до 5500 км. Первое успешное летное испытание этой противоракеты проведено 7 февраля 2017 г. В 2018 г. планировалось начало закупок противоракеты SM-3 Block ІІА как для наземных комплексов Aegis Ashore, так и для кораблей с БИУС «Иджис».

Элементы системы раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН) Сил самообороны Японии размещаются в наземном, космическом и морском сегментах. В настоящее время наземный сегмент составляют семь радаров типа FPS-3 U и три РЛС типа FPS-5. Два передвижных радара AN/TPY-2, размещенных на севере и юге Японии, а также радар на морской платформе SBX-1 находятся под управлением Тихоокеанского и Северного командований США. РЛС способны передавать сведения о ракетных пусках на японские и американские корабли

³⁰ ТНААД. Anti-ballistic missile system. — URL: <http://www.military-today.com/missiles/thaad.htm>

³¹ Patriot PAC-3. Anti-ballistic missile system. — URL: http://www.military-today.com/missiles/patriot_pac3.htm

³² Ibidem.

«Иджис» в Японском море, комплексы ТНААД, а также на расположенные в Калифорнии и на Аляске наземные комплексы перехвата баллистических ракет GBMD.

В конце 2017 г. японское правительство одобрило приобретение и размещение двух комплексов ПРО Aegis Ashore на территории Хонсю — главного острова Японского архипелага. Планируется, что комплексы заступят на боевое дежурство в 2023 г., обеспечив безопасность Японии от ударов баллистических и, возможно, крылатых ракет. Одобряя сделку, кабинет министров Японии объявил, что размещение американских систем позволит адекватно ответить на угрозы, возникшие в связи с северокорейской ракетно-ядерной программой. (В сентябре 2017 г. траектории запускаемых КНДР ракет дважды проходили над территорией северного японского острова Хоккайдо.)

Оперативное взаимодействие японо-американских средств ПРО осуществляется Центром двустороннего объединенного оперативного командования, расположенным на военно-воздушной базе Йокота, и американским Тихоокеанским командованием со штаб-квартирой на Гавайских островах. Совместная информационная инфраструктура позволяет обнаруживать, сопровождать и перехватывать цели. Для отработки совместных противоракетных операций ежегодно проводятся учения Keen Edge. О глубине сотрудничества с Японией говорит тот факт, что только с японцами США проводили испытания новейших противоракет морского базирования SM-3 Block IA. Таким образом, Япония фактически становится существенным элементом защиты территории США от ракетной атаки со стороны КНДР или КНР.

Республика Корея также является стратегическим партнером США в АТР в вопросах создания совместной ПРО, хотя довольно длительное время южнокорейское руководство проводило сдержанную политику в данной области, опасаясь спровоцировать северного соседа и стремясь к нормализации отношений с ним. Однако в условиях активного развития ракетно-ядерной программы КНДР южнокорейские власти взяли курс на создание собственной эшелонированной системы ПРО, которая в любом случае способна к взаимодействию с американскими средствами ПРО. В 2006 г. Сеул объявил о создании сил Корейской противовоздушной и противоракетной обороны (КППО), отклонив при этом предложения США о формировании интегрированной системы ПРО. Фактически на территории РК размещаются компоненты двух систем ПРО — национальной КППО и американской, каждая из которых имеет свое командование.

Южная Корея уже построила при помощи США три эсминца с БИУС «Иджис», на вооружение которых будут приняты новейшие противоракеты SM-6, и выразила намерение закупить радары раннего предупреждения и элементы системы боевого управления средствами ПРО. В ходе совместных учений отрабатывается информационное взаимодействие между южнокорейской системой ПРО и японо-американским сегментом ПРО. В 2014 г. получила одобрение сделка, по которой Южная Корея закупает 136 ЗРК РАС-3. Планируется, что в 2023, 2025 и 2027 гг. в строй вступят еще три эсминца южнокорейских ВМС, оборудованные БИУС «Иджис»³³.

Вместе с тем южнокорейское руководство проводит подчеркнуто независимую линию в вопросах национальной безопасности от США, что может быть продиктовано несколькими причинами. Во-первых, это нежелание ухудшать отношения с Китаем — своим главным торговым партнером, а также провоцировать Северную Корею. Во-вторых, интеграция в американскую региональную систему ПРО автоматически сделала бы Республику Корея партнером Японии, отношения с которой развиваются непросто, так как память о японском колониальном господстве жива у граждан этой страны. Следует также отметить, что РК даже не пошла на подписание полноценного двустороннего соглашения с Японией об обмене разведывательной информацией, ограничившись заключением в 2014 г. меморандума о взаимопонимании по обмену информацией о ядерной и ракетной программах КНДР. Этот меморандум позволяет японским и южнокорейским военным ведомствам обмениваться разведанными через посредничество Пентагона в отсутствие договора между двумя странами.

В середине 2014 г. американские военные впервые озвучили предложение о размещении противоракетного комплекса ТНААД на территории американских баз в РК, разумеется, под оперативным управлением командования вооруженных сил США. Вначале до активных действий дело не дошло в связи с резко отрицательной оценкой этого шага Китаем из-за способности РЛС AN/TPY-2, входящей в состав комплекса ТНААД, просматривать территорию Китая значительно глубже, чем с помощью аналогичных РЛС с территории Японии.

³³ Ibidem.

Однако вслед за проведением КНДР в начале 2016 г. четвертого по счету ядерного испытания и летного испытания МБР «Тэпходон-2» (под прикрытием запуска северокорейского спутника на низкую околоземную орбиту) Сеул объявил об американо-корейском соглашении по размещению на юге Корейского полуострова одной батареи ПРК ТНААД (шесть пусковых установок с 48 противоракетами). Новые китайские протесты не повлияли на позицию Сеула, и весной 2017 г. компоненты ПРК ТНААД начали доставляться на территорию Южной Кореи.

Австралия. В выстраивании региональной системы ПРО в АТР, помимо Японии и Республики Корея, США опираются на своего традиционного союзника Австралию, хотя понятно, что для этой страны угроза ракетного нападения носит чисто гипотетический характер. На текущий момент Австралия обладает только средствами ПВО морского базирования американского образца. Однако в соответствии с заключенным в 2014 г. соглашением о расширении военного сотрудничества, где подтверждалось участие ВМС Австралии в реализации американской программы ПРО в АТР, в 2016 г. корпорация «Локхид Мартин» приступила к монтажу БИУС «Иджис» на эсминцах австралийских ВМС. Планируется, что к 2020 г. на вооружении будут находиться три корабля данного класса, которые предназначаются для участия в совместных с США операциях в качестве вклада за гарантии безопасности. Создана также двусторонняя рабочая группа по оценке возможностей участия Австралии в интегрированной противовоздушной и противоракетной обороне (Integrated Air and Missile Defense – IAMD)³⁴.

Для углубления многостороннего сотрудничества в регионе под эгидой Тихоокеанского командования и ВВС США в 2014 г. был открыт Тихоокеанский объединенный центр ПВО/ПРО, предназначенный для обучения офицерского состава, разработки совместных оперативных планов, оценки угроз, исследования новых методов противоракетной обороны.

До создания интегрированной системы ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подобной ЕвроПРО, еще далеко. В отличие от Европы, где довольно высокий темп развертывания средств ПРО поддерживается благодаря наличию НАТО, в АТР Вашингтону приходится выстраивать отношения в сфере ПРО с каждой из союзных им стран на базе двусторонних соглашений, всячески педалируя угрозу, которую несет северокорейская ракетно-ядерная программа. Австралия едва ли будет играть важную роль в процессе в силу своей удаленности и отсутствия серьезных угроз ее территории, а между Японией и Республикой Корея сохраняются давние трения, весьма затрудняющие процесс обеспечения операционной совместимости с американскими средствами ПРО.

* * *

Проблема ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе пока не приобрела той остроты, что свойственна ей в Европе, и занимает невысокие места в повестке дня встреч российских руководителей с коллегами из АТР. Тем не менее Россия достаточно определенно высказывалась о развертывании в АТР объектов американской противоракетной обороны как о «непосредственной угрозе своей безопасности»³⁵. Москва выражала озабоченность по поводу размещения объектов и систем ПРО в Японии. Комментируя развертывание американского комплекса противоракетной обороны ТНААД в Южной Корее, министр иностранных дел С. В. Лавров заявил, что «появление элементов глобальной ПРО США в регионе, характеризующемся весьма сложной ситуацией в сфере безопасности, может спровоцировать гонку вооружений в Северо-Восточной Азии»³⁶.

Растущее противодействие созданию в АТР интегрированной и подконтрольной США системы ПРО продолжит оказывать Китай, для которого наличие ракетной угрозы со стороны КНДР едва ли может служить адекватным оправданием масштабных усилий по наращиванию потенциала ПРО. Китайцы понимают, что речь скорее о долгосрочных усилиях по созданию возможности перехвата китайских МБР на начальных стадиях полета, и внимательно отслеживают все шаги США и их союзников в АТР по реализации противоракетных проектов.

³⁴ Владимир Путин: Россию беспокоит продвижение американских систем ПРО // Коммерсант. — 2018. — 12 сентября. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3738780>

³⁵ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с решением Республики Корея и США начать переговоры о размещении Соединенными Штатами Америки на территории Республики Корея противоракетных комплексов ТНААД // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2016 г. 10 февраля. — URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2072447

³⁶ Япония отказалась считать размещение американских систем ПРО угрозой для России // Интерфакс. — 2019 г. 30 мая. — URL: <https://www.interfax.ru/world/663070>

В июне 2016 г. в совместном заявлении руководители Российской Федерации и КНР Владимир Путин и Си Цзиньпин отметили, что Москва и Пекин будут уделять особое внимание обеспечению глобального и регионального стратегического баланса и стабильности, «выступают против наращивания внерегионального военного присутствия в Северо-Восточной Азии (СВА), развертывания там нового позиционного района ПРО как тихоокеанского сегмента глобальной ПРО США под предлогом реагирования на ракетно-ядерные программы КНДР. Стороны не приемлют эскалацию военно-политической конфронтации и раскручивание в регионе гонки вооружений»³⁷.

Неизменный курс Вашингтона на реализацию программы глобальной ПРО только усиливает опасения российского руководства в том, что в своем окончательном виде она будет предназначена не только для купирования угроз ограниченного характера. В России всё больше сторонников у точки зрения, согласно которой, как бы ни варьировались географическая приоритетность и технологическая начинка различных проектов внутри этой программы, всё меньше остается сомнений, что в итоге она будет сконструирована, сформирована и построена таким образом, чтобы в серьезной мере обесценить потенциал стратегического ядерного сдерживания России.

В совокупности с неконтролируемым наращиванием возможностей неядерных стратегических средств (т. н. высокоточного оружия), обычных вооружений, форм и средств их применения, новых компонентов космического оружия дестабилизирующая роль американской ПРО может существенно возрасти. Ведь дальнейшие эволюция развития структуры системы ПРО предполагает ее поэтапное наращивание всё более эффективными огневыми и информационными средствами по мере их технической готовности, а также интеграцию и комплексирование с другими системами (ПВО, контроля космического пространства и противоспутниковой борьбы, различных видов технической разведки). С высокой долей уверенности можно утверждать, что реализация такого сценария приведет к формированию существенной угрозы возможностей для отечественных СЯС.

Понятно, что Москва не ограничивается только заявлениями о том, что российские МБР в состоянии преодолеть существующую и перспективную американскую ПРО, а предпринимает конкретные шаги по укреплению потенциала сдерживания стратегических ядерных сил, поиску новых технологических и организационных решений и средств преодоления ПРО, симметричных или же асимметричных, вне зависимости от эволюции американских противоракетных аппетитов.

Зацикленность США на создании глобальной ПРО в одностороннем формате в совокупности с действиями нынешней администрации США по резкому уменьшению своих обязательств в области контроля над вооружениями уже привели к обострению противоречий между двумя странами. Вместо возможной трансформации взаимного ядерного сдерживания мы получили резкий рост взаимного недоверия, твердую убежденность российской стороны в том, что эти работы своей конечной целью имеют девальвацию ядерного потенциала России.

Дальнейший российско-американский стратегический диалог невозможен без решения проблемы ПРО и устранения антироссийского потенциала глобального противоракетного щита, развертываемого США. Очевидно потребуются кропотливые усилия, в том числе в рамках возможных переговоров о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений, чтобы вернуться к пониманию стратегической стабильности как состоянию двусторонних и международных отношений, в условиях которых государства не имеют намерений использовать военную мощь в качестве главного инструмента защиты национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. — М.: Российский совет по международным делам; Институт США и Канады РАН, 2012. — 80 с. — URL: https://russiancouncil.ru/upload/RIAC_Missile_Defense_US_Russia.pdf
2. *Истомин И. А.* Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России // Рабочая тетрадь № 49. — М.: Российский совет по международным делам, 2019. — 44 с. — URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/politika-ssha-v-indo-tikhookeanskoy-regione-posledstviya-dlya-rossii/>
3. *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиат-

³⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики, 25 июня 2016 г. — URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100>

- ско-Тихоокеанском регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — № 5. — С. 165–177.
4. Проблемы и перспективы сотрудничества России с США // НАТО в сфере противоракетной обороны / Отв. ред. В. И. Трубников. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — 43 с. — URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11023.pdf>
5. Торкунов А. В. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — № 6. — С. 25–37. — DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37
6. Schwartz, Benjamin E. From Inertia to Integration: Getting Serious About U.S.-India Defense Cooperation // The American Interest, June 24, 2019. — URL: <https://www.the-american-interest.com/2019/06/24/from-inertia-to-integration-getting-serious-about-u-s-india-defense-cooperation/>

EVGENY ZVEDRE

US - ANTI-MISSILE POTENTIAL IN ASIA-PACIFIC

Evgeny K. Zvedre, Senior Researcher,
Center for Euro-Atlantic Security,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: yzvedre@gmail.com

Summary. The USA considers missile potentials of Russia, China, Iran and North Korea as the main sources of threats to their national security. In the early 2000s following the withdrawal from the Soviet-American ABM Treaty the US began to deploy a global ballistic missile defense system to protect their “homeland, US forces abroad and its allies” from potential and real threats. The set of basic elements of a multi-layer ballistic missile defense is generally the same, its architecture is always adapted to the local conditions of the regions of deployment and specific tasks. Their common designation is the ability to work as subsystems within an integrated, global in scope antiballistic missile defense system controlled by the United States. In the Asia-Pacific region, the United States is actively engaging its regional allies Australia, South Korea and Japan in a joint effort to build-up ABM capabilities while simultaneously increasing its military-strategic presence in the region. Moscow strongly opposes the program considering it as potential threat to the effectiveness of the Russian strategic nuclear forces and undermining strategic stability and considers emergence the ballistic missile subsystems in Europe and the Asian-Pacific Region as a direct threat to its security. US ABM policy provokes the accelerated development by China and the DPRK of ballistic missile delivery systems, encourages Russia to create new weapon systems that are guaranteed to be able to overcome any existing and future missile defense.

Keywords: national missile defense, Asian-Pacific region, components and means of ballistic missile defense, United States, Russia, China, North Korea, early warning radars and sensors, nuclear missile potential, strategic stability.

REFERENCES

- Desyat' let bez Dogovora po PRO. Problema protivoraketnoi oborony v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh* [Ten years without ABM Treaty. The issue of missile defense in Russia-US relations]. Moscow: The Russian International Affairs Council, 2012. 80 p. — URL: https://russiancouncil.ru/upload/RIAC_Missile_Defense_US_Russia.pdf
- Istomin I. A. *US Policy in the Indo-Pacific: Consequences for Russia*. RIAC Working Papers. Vol. 49. Moscow, 2019. 44 p. — URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/politika-ssha-v-indo-tikhookeanskom-regione-posledstviya-dlya-rossii/>
- Konyshchev V. N., Sergunin A. A. *Politika SShA po sozdaniyu sistem protivoraketnoi oborony v Aziatsko-Tikhookeanskom regione* [The US Policy for Building Ballistic Missile Defense Systems in the Asia-Pacific Region]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. — 2016. — No. 5. — P. 165–177.
- Schwartz, Benjamin E. From Inertia to Integration: Getting Serious About U.S.-India Defense Cooperation. *The American Interest*, June 24, 2019. — URL: <https://www.the-american-interest.com/2019/06/24/from-inertia-to-integration-getting-serious-about-u-s-india-defense-cooperation/>

- Torkunov A. V. Strategiya administratsii Trampa v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Strategy of the Trump Administration on Asia-Pacific]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. – 2019. – No. 6. – P. 25–37. – DOI:10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37
- Trubnikov V. I., ed. *Problemy i perspektivy sotrudnichestva Rossii s SShA / NATO v sfere protivoraketnoi oborony* [Problems and Prospects of Russia – US / NATO Cooperation in the Sphere of Ballistic Missile Defense]. Moscow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 2011. 43 p. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11023.pdf>